

ПЬЕСА В СТИХАХ. Это стало редкостью. Разве что побюбившийся драматургам «ведущий» начнет спектакль стихотворным вступлением или один из героев, как правило, поэт-неудачник, продекламирует сочиненные им корявые вирши.

Так, может быть, правы те, кто утверждает, что в наше время театру не свойственны патетика, приподнятость, возвышенное. Может быть, современному человеку чужда поэтическая речь, и он более склонен к прозаической, бытовой, так называемой психологической? Может быть, наше время выработало свой сценический язык—простой, «резвый», чуждый патетике? Думается, что это не так.

В чем же дело? Почему наши драматурги, поэты так редко пишут пьесы в стихах? Что, как не наша жизнь, наполненная истинной романтикой, зовет к созданию поэтической драмы! А ведь из стихотворных пьес, созданных в прошлые годы, только пьесы Гусева были обращены к современности, да Светлов недавно написал драматическую поэму о молодежи на целине. Все же остальные были посвящены истории.

Тем отраднее, что появилось сразу три произведения: «Фауст и смерть» А. Левады, «Путешествие в три времени» Г. Абашидзе и «Обещанная звезда» И. Рядченко. Все три пьесы—о современности. Они говорят о поисках и стремлении человека постигнуть еще не достиг-

В ТЕАТРАХ
СТРАНЫ

СИЛЫ МЕЧТЫ

нутое, их герои размышляют о будущем, о завоевании человеком космоса.

Левада рассказывает о трагическом полете космонавта инженера Ярослава Абашидзе отправляет своего героя в путешествие, и тот оказывается на пятьсот лет впереди нашего времени. Герои Рядченко проносят через испытания войны мечту полета в космос.

И оказалось—зритель с большим интересом и волнением следит за судьбой героев, их поэтическая устремленность находит отклик в его сердце. Это мы увидели и почувствовали на спектакле Одесского театра имени А. Иванова «Обещанная звезда». Пьеса Рядченко—о молодежи, окончившей школу в июне 1941 года и первый день своей самостоятельной жизни начавшей с войны. Музыка выпускного бала как бы переходит в суровую музыку боя. Воздушные косынки, легкие платя, светлые рубашки сменяются пропыленными солдатскими гимнастерками, стеганками на хрупких женских фигурах—нехитрый наряд военной поры. На земле идет бой, бой за свободу, за право мечтать о счастье, о далекой звезде, к которой собирался лететь на своем воздушном корабле герой пьесы Юрий Метелин.

В схватке с фашистами погибает Метелин. Расчеты космического полета похи-

щает из планшета одноклассник Юрия—трус и шкурник Семен Кареткин.

И вновь на сцене знакомая школа. Поток солнечного света, как прежде, бьет в широкие окна. С моря врывается в комнату ветер, звучит смех. Кажется, это тот же июньский день 1941 года. Но изменились знакомые нам лица, повзрослели вчерашние школьники, узнав в испытаниях цену дружбы, подвига и... трусости, человеческой низости. Недаром же так беспощадны они к Кареткину, о предательстве которого узнают сейчас. Ему не место среди честных людей. А мечта Юрия? О величии и силе ее мы вспоминаем, когда в финале спектакля возникают очертания уходящего все выше и выше космического корабля, который ведут товарищи Юрия Метелина.

Пьеса И. Рядченко звучит со сцены вдохновенно и искренне, убедительно и просто, несмотря на некоторую излишнюю приподнятость и патетику текста. Высокого гражданского пафоса достигает исполнение артисткой Л. Буговой роли старой учительницы Анны Петровны, в особенности центрального монолога «О, русское поле!» в сцене боя. Хочется сказать доброе слово и о молодежи, занятой в спектакле: прежде всего о Р. Балашовой, играющей Наташу, и И. Кулешове (Иван Парамонов).

Правда, не все в этом интересно и темпераментно поставленном В. Тихоновичем спектакле одинаково убедительно и художественно завершено. Если в сценах школьного бала, в госпитале, на квартире у Анны Петровны органически сочетаются романтика и жизненная достоверность, психологическая правдивость, то эпизоды боя оказались наиболее условными, статичными, театральными в дурном смысле. Герои предстают в них скорее как символические обозначения, нежели образы живых, близких нам людей. Трудно себе представить, чтобы во время сражения солдаты столько разговаривали, произносили такие длинные монологи и так томительно долго выстраивались в скульптурные группы. Эти сцены—пример внешнего понимания романтики поэзии на сцене.

Но пускай с просчетами, с потерями романтическая пьеса в стихах поставлена Одесским театром. И успех ее заставляет серьезно подумать о том, что вряд ли правильно, когда так мало идет стихотворных пьес. Не обедняем ли мы театральное искусство, когда такой высокой и благородный род литературы уходит со сцены!

Вл. ПИМЕНОВ